

БОРИС КРИГЕР

КАК ЗАЙКА И МИШКА ПОМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ

БОРИС КРИГЕР

КАК ЗАЙКА
И МИШКА
ПОМЕНЯЛИСЬ
МЕСТАМИ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Как Зайка и Мишка поменялись местами

Этот сборник сказок — тёплая, плюшевая вселенная, где живут Зайка и Мишка. Вместе они переживают маленькие и большие приключения: меняются ролями, учатся жить медленно, спасают мир от грусти и дырок в бубликах, выращивают Любофф и теряют тень, чтобы потом её снова найти. Это сказки о внимании и нежности, о дружбе, которая не требует громких слов, о том, как важно просто быть рядом. Здесь каждый день может стать волшебным — если пить чай из кружки с нарисованными морковками и не бояться говорить шёпотом. Эти истории согревают, как варенье из одуванчиков, и возвращают веру в то, что настоящее всегда остаётся — в настоящей дружбе, в обнимашках, в тишине.

СКАЗКА 1. "КАК ЗАЙКА И МИШКА ПОМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ "

Мишка с утра до вечера трудился — занимался плюшево-медовыми делами. А Зайка хозяйничал дома: готовил вкусности, вышивал салфеточки и учил Петьку азбуке — «А — арбуз, Б — бобёр, В — вешалка».

Так они и жили — но однажды, не сговариваясь, проснулись оба — и как будто ветер им идею надул:
— А давай меняться местами? — сказал Мишка.
— А давай! — сказал Зайка.
И с этого дня началась новая сказка.

Мишка надел передник, и стал варить варенье. Да не простое, а с секретами: из еловых шишек, из

одуванчиков, даже однажды из синих слив с лавандой. Он стал печь пироги, которые называл «плюшунцы» (Зайка поправлял «плюшунцы» — плюх в тесто начинку, и в духовку. А запах — такой, что даже птицы с дерева слетались посмотреть, что там готовится.

Зайка же отложил кастрюли, свернул уроки и ушёл на работу лесничим — стал думать о жизни, гладить листики и слушать как шумит ветер. Он теперь говорил: — Кто сказал, что Зайки не могут быть философами? Ведь работа всегда располагает к философии.

А Петька с Мишкой вместе изучали **шишковедение** — науку о шишках.

— Вот эта — сосновая, — объяснял Мишка, — а вот НЕ сосновая.

— А в этой, — вставлял Петька, — жил жучок. Он в ней спал всю зиму!

Так и потекли дни иначе. Не хуже. Не лучше. Просто — по-новому. И никто никого не гнал обратно в старые роли.

Потому что когда в доме тепло, варенье вкусное, а шишки изучены — значит, всё устроено более или менее правильно.

Сказка 2. "Сказка про самый медленный день"

Утро в лесу началось как всегда. Солнце пробралось сквозь ветви, птички уже обсудили важные новости, а Петька попросил блинов.

Зайка прыгал по кухне, как белый молоточек. Всё у него шло быстро:

- Взбить тесто!
- Перевернуть!
- Намазать блин маслом!

А Мишка, как всегда, за ним не успевал.

— Ты опять отстаёшь, — сказал Зайка, хватая веник и одновременно поворачивая блин, стирая прихватки и моя миску.

— Я не отстаю, — сказал Мишка. — Я просто не спешу.

Они переглянулись.

— А давай... — начал Мишка.

— ...проживём один день очень-очень медленно? —
закончил Зайка.

— Как черепахи?

— Медленнее.

И они начали.

Медленно ели завтрак. Жевали блины, как будто
пробовали впервые.

Медленно гуляли — так, что один цветок они
рассматривали целых двадцать бесконечно минуток.
Медленно дышали. Медленно моргали. Даже Петька
удивился:

— Вы что, в замедленном мультике?

День тёк неторопливо, как густой мёд по ложке.

Зайка заметил, как пахнет земля после дождя.

Мишка услышал, как в далёком дереве шуршит белка.

А Петька нашёл гусеницу и решил, что она теперь его
подруга.

К вечеру никто не устал.

Никто ничего не забыл.

Никто не чувствовал, что день потерян.

Наоборот — он оказался самым длинным, самым
вкусным и, пожалуй, самым счастливым.

А вечером, Зайка сказал:

— Медленное — не значит потерянное.

А Мишка добавил:

— Иногда именно в медленном прячется самое
драгоценное.

СКАЗКА 3. "КАК МИШКА ХОТЕЛ ВСЕХ СПАСТИ"

Однажды Мишка переел на ночь подбродившего варенья из вишни, и ему приснился ужасающий сон — будто всё на свете рушится: деревья плачут, листья падают вверх, ручей пересох и превратился в цепочку мокрых следов, а у маленького птенца пропала мама, и он тихо пищал в закрытом чайнике. С неба, навстречу возносящимся листьям, падали лягушки, а из шкафа вылезала цветная капуста и закричала: «Всё пропало!»

Мишка проснулся весь вспотев. Точнее, в липком варенье, потому что ночью он перевернул ту самую злополучную банку с недоеденным коварным вареньем. Проснувшись, Мишка понял: надо всех спасать!

Сначала он побежал спасать лампочку — она слишком тускло светила, наверняка грустила. Он завернул её в тёплый шарф и рассказал ей анекдот о том, сколько медведей нужно, чтобы её выкрутить. Ни одного, потому что если лампочку выкрутить — станет темно, а Мишка темноты боялся. Потом Мишка проверил, нет ли птенца в чайнике — там его не нашёл, но заметил, что чайник не свистит, и принялся рассказывать ему сказку про соловья-разбойника, чтобы промотивировать.

Когда он выглянул в окно и увидел пасмурное утреннее небо, он закричал:

— Держись, небо! Я уже иду!

Он втащил табуретку на крышу в попытке покрасить облачко зубной пастой, чтобы оно не выглядело таким серым.

Потом разбудил Зайку со словами:

— Срочно! У бублика обнаружилась дырка! Я заклеил её пластирем, но нужны серьёзные меры.

Зайка, моргая сонно и уже немного подозревая неладное, всё-таки поплёлся за Мишкой.

Разобравшись с бубликом, тот уже пытался кормить фонарь супом, уговаривал шишки не грустить, гладил тропинку утюгом и кутал скворечник в плед.

— Что ты делаешь? — спросил Зайка, потирая ухо.

— Спасаю мир! — затараторил Мишка. — Он ломается прямо на глазах... Он безнадёжно болен. Я лично слышал, как земля чихнула.

Он схватил веник и стал выметать тоску из углов. Потом стал целовать каждую ложку — вдруг она обиделась, что ей редко дают мёд.

Наконец, он сел прямо на пол. Глаза у него были круглые и пустые, как кружки без чая.

— А вдруг я не успеваю... — прошептал он. — Вдруг я один, а мир большой?

Зайка сел рядом. Обнял его крепко, как только может обнять тот, кто в душе всегда тебя любит.

— Иногда, Мишка, чтобы спасти мир, нужно просто выспаться.

— И обнять друга, — вздохнул Мишка, свернувшись калачиком. — А фонарю суп понравился?

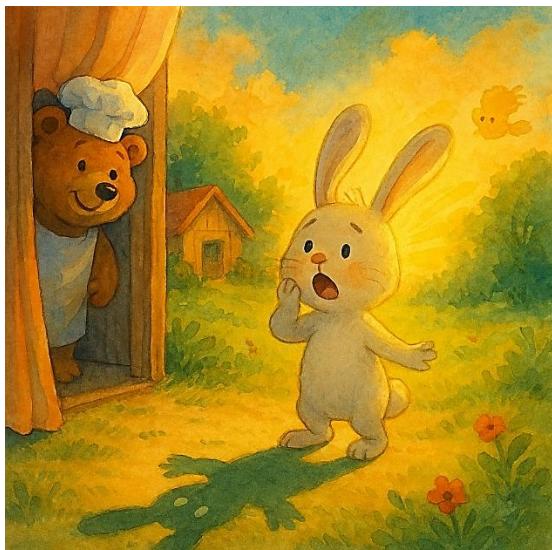
— Очень. Он попросил добавки, — успокоил Зайка.

Так и сидели они: один уставший герой, второй — его мягкий друг. А мир потихоньку чинился сам. Потому что, может быть, ему не так нужны герои, как те, кто не забывает обнимать. Не всё в мире зависит от нас — и в этом большое облегчение.

А вокруг листья шептали друг другу что-то нежное, снова журчал ручеёк, будто рассказывал свои смешные сны камешкам, а фонарь, накормленный супом, насвистывал себе под нос какую-то светлую песенку. Где-то на крыше сохла зубная паста, облачко понемногу розовело, а в чайнике так и не поселился птенец, вопреки всем Мишкиным опасениям.

А Мишка спал. Рядом с ним — Зайка, обнявший его лапкой, как будто обнимал так и не спасённый Мишкой весь этот странный, уставший, но всё же волшебный мир.

СКАЗКА 4. "КАК ЗАЙКА ТЕНЬ ПОТЕРЯЛ"

Одним утром Зайка так сладко спал, что проспал до полудня. Это случается у длинноухих. В отличие от всех прочих, которые просыпают без причины, у длинноухих есть одна удивительная особенность: когда они спят, они могут не просто завернуться в одеялко, но и аккуратно уложить одно ухо поверх другого — как будто складывают два мягких крыльышка. Это создаёт идеальную тишину: ни звука, ни шороха не проникает внутрь такого "ушко-кокона". Потому Зайка и проспал до полудня. Ведь если накрыть ухо ухом, получится такая тишина, что Ничто и Никто не осмеливаются потревожить. Ничто и Никто — два мелких, но очень назойливых шалопая. Никто — это прозрачный невидимка, который обычно бегает по комнатам и тормошит подушки, чтобы разбудить спящих.

А Ничто — крошечное мохнатое существо, похожее на пылинку с хвостиком, которое шепчет в ухо: «Ты не забыл, что у тебя сегодня дела?» Но в этот день они оба подошли к Зайкиной кроватке, увидели, как ухо лежит на ухе, вздохнули и поплелись восвояси.

— Он в Режиме Великой Ушной Тишины, — сказал Никто с уважением.

— Тогда трогать нельзя, — шепнул Ничто и тихо вздохнул.

— Да тише вы, — шикнула Зайкина тень, которая лежала на коврике и уже не спала.

— Хорошо, что ты не спишь, — прошептали хором Никто и Ничто и позвали тень играть в прятки, и та охотно согласилась, потому что, когда Зайка спал, он вряд ли заметил бы её отсутствие. А сон Зайки продолжался — спокойный, тёплый, как варенье из одуванчиков.

Как ни странно, в этом мире нет важнее тех, кого зовут Никто и Ничто. Именно они делают этот мир живым, наполненным, свободным и удивительно настоящим. И наши тени нередко играют с ними в прятки, но только когда мы спим.

Наконец Зайка открыл глазки, солнце уже заглядывало в окно, щекоча его носик тёплыми лучами. Зайка потянулся, зевнул и пробормотал:

— Ой-ой-ой, я же должен был испечь морковные булочки к завтраку!

Он соскочил с кроватки, но тут же замер, прислушиваясь. В доме было тихо. Очень тихо. Даже слишком тихо. Зайка прошёл на цыпочках на кухню — и увидел... накрытый стол! А посреди — горячие булочки, такие же, как он сам обычно печёт.

— Это что, чудо? — прошептал он.
А из-за занавески выглянул Мишка в поварском колпаке, весь в муке и с гордой улыбкой.

— Ура, ты проснулся!

Зайка расплылся в улыбке и сел за стол. Впервые за долгое время его не мучила совесть, что он проспал. Потому что иногда — спать до полудня — это тоже важно. Особенно, если рядом есть друг, который знает, когда нужно просто дать тебе поспать. После завтрака, умывшись росой и поздоровавшись с солнцем, Зайка вдруг заметил, что его тени нет.

— Мишка! — испуганно закричал он. — Я пропал! Меня не видно! Я не настоящий!

Мишка отложил мёд и подошёл поближе.

— Ты что? Вот ты — стоишь перед мной, шевелишь ушами, кричишь, а не настоящие не кричат.

— Но у меня нет тени! Она всегда была со мной. А теперь — нет! Я тень проспал!

Мишка почесал затылок. Они стояли на полянке перед домом. Тени у Зайки и правда не было.

— Наверное, она ушла поиграть. У тебя она, может, заскучала, пока ты спал. Тени любят поиграть в прятки, а ты светлый и добрый — ей не за что прятаться.

— Ты думаешь, она вернётся?

— Конечно. Она знает дорогу. Но даже если не вернётся — ты ведь всё равно ты. Тень — не ты, а просто напоминание, что свет всегда с нами.

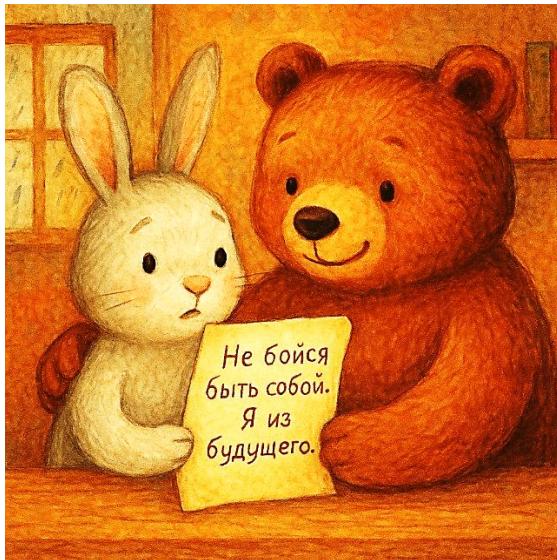
Зайка подумал, погрустил немного и решил поспать ещё чуть-чуть.

А вечером, когда он снова вышел, его тень уже ждала у крыльца. Она слегка потянулась и шепнула:

— Спасибо, что не обиделся. Просто я немного заигралась в прятки в полдень. Но теперь я снова с тобой.

Иногда мы теряем то, что считали частью себя. Но это не значит, что мы исчезаем или становимся хуже. Мы остаёмся собой даже без привычных теней. А самое главное — всё настоящее всегда возвращается!

СКАЗКА 5. "ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ"

В один из пасмурных дней, когда дождик уже капал не только с неба, но и с веток, а лес казался чуть тише обычного, Зайка разбирал старые книги на чердаке. Он искал забытую закладку — ту самую, где был рисунок морковки с крыльшками, как у пегаса. Ну а что? Пегасами, между прочим, бывают не только лошадки. Бывают пегасы-морковки, пегасы-пряники, пегасы-пельмешки — кто на что вдохновился. Главное, чтобы крылья были — а уж у кого, это не так важно.

Зайка знал: если чего-то очень хочется, оно обязательно окрылится. Даже морковка. Особенно морковка.

Искал Зайка, искал, но вместо закладки под крышкой маленького сундучка нашёл свёрнутый в трубочку листок бумаги — письмо адресованное Зайке, так и было подписано, мол «лично в лапки».

Бумажка была немного пожелтевшей, как осенний листик, и пахла мёдом и дымком — так пахнут старые воспоминания. Развернув его, Зайка прочитал:

"Не бойся быть собой. Я из будущего."

У него по спине пробежали мурашки, в виде таких мелких мурашечных заек. Он замер. Кто-то знал, что ему это нужно будет? Кто-то из будущего послал поддержку в прошлое? Но кто?

Весь день Зайка ходил задумчивый. Он начал замечать странности: например, как Мишка вдруг стал прятать свой блокнотик при его появлении. Как будто скрывал что-то. А ещё Зайка начал вспоминать — где-то он уже видел эти разлапистые буквы... особенно «б» с завитушкой и «я» с хвостиком.

Вечером он пришёл к Мишке и без всяких прелюдий положил записку на стол.

Мишка посмотрел, улыбнулся и сказал:

— Я просто знал, что однажды тебе будет страшно. А мне хотелось, чтобы в этот момент ты почувствовал: что всё будет хорошо и ты не один. Даже если рядом тихо — я всё равно с тобой. И я верю в тебя... всегда. Вот я и понаписал таких записок разных и попрятал для тебя по всему дому.

Зайка обнял Мишку. Не потому, что тот был особенно изобретателен — а потому, что он был по-настоящему рядом. А настоящее — это ведь не тогда, когда просто

кричат «я с тобой!», а когда кто-то уже спрятал для тебя
уютное будущее... даже в прошлом.

Сказка 6. "Голос, который не кричит"

Однажды Мишка сорвал голос прямо с утра — это случилось на опушке, где он репетировал песню для Зайки. Он не просто пел — он реально вкладывал душу, и ему казалось, что он оперный медведь. Каждый куплет был как варенье от самого сердца. А припев... ой, припев был как мёд, в котором хотелось вываливать весь мир до самой макушки. Медведь пел так, что даже дятел затих, прислушиваясь, кто ж это так орёт. Но Мишкин голос предательски запищал, а потом и вовсе исчез, как задумчивая чайка за чуть трепетным горизонтом.

Точнее, голос не исчез, не потерялся — он просто... убежал, отправился в отпуск.

Мишкин голос, устав от стараний, от оперных ноток, от

симфонических вибраций в медвежьем горлышке, тихонько вылетел на утренний воздух и взмыл над лесом — как лёгкое, тёплое облачко. Он был прозрачным и пах вареньем и кедровыми шишками.

Голос-беглец пролетел над берёзами, задел за паутинку, и та тихо зазвенела как арфа — паучок даже проснулся от удивления. Голос задержался у пруда и нашептал лягушке на ушко самое нежное «ква!», и та, квакнув в ответ, схватила листик, записала пару нот и с тех пор каждый вечер квакает так же проникновенно.

А потом голос спустился к крыльцу, где сидела Сова. Она была хранительницей всех забытых, сорванных, потерянных голосов. У неё на полке стояли баночки — в одной шептали старые песни, в другой смеялись детские голоса, в третьей хранился даже чей-то стеснительный голос, шепчущий «я тебя люблю».

Сова ласково приняла и Мишкин голос.

— Отдохни, милок, — сказала она, закрывая баночку крышечкой. — А когда Мишка снова будет готов орать свои песни на весь лес — ты вернёшься.

Голос устроился удобно, свернулся клубочком и стал слушать, как его Мишка теперь шепчет сказки. И радовался. Потому что понял: не обязательно звучать громко, чтобы быть услышанным.

А когда пройдёт немного времени, Сова откроет баночку, и голос вернётся — не прежним, а обновлённым. Немного бархатным. Немного тёплым, как заботливо сваренное какао. И, может быть, даже чуть мудрее.

— Я теперь могу говорить только шёпотом, — шмыгнул

носом Мишка, поднося к губам чашку с чаем с мятой.

— Ничего страшного, — серьёзно ответил Зайка. — Я теперь с ушами даже более внимательными.

Они сидели на веранде, укутавшись в одеяло, потому что Мишке стало немного зябко от шёпота. Зайка долил чай в кружки. У Зайки была кружка с нарисованными морковками, а у Мишки — с надписью: «один Зайка тебя люб...» — потому что он всегда любил быть любимым, особенно когда пил чай.

— А хочешь, я тебе спою? — предложил Зайка, и его скромные ушки слегка порозовели.

— Очень, — удивлённо зашептал Мишка, глазки у него стали круглые-прикруглые.

И Зайка запел. Не громко — он ведь знал, как это бывает, когда горло болит. Он пел тихо, как будто шептал звёздам колыбельную.

*Ты спи, а я спою тебе,
Как хорошо там на небе,
Как нас с тобою серый кот
В санках на небо увезёт.*

*Будут на небе радости,
Будут орехи-сладости,
Будут сапожки новые
И пряники медовые...*

Мишка слушал, и у него вдруг щекотно защемило в сердце, и зачесались глазки. Ему захотелось плакать — от того, что его любят. От того, что даже когда его голос ушёл гулять — вместе с ним остался Зайка.

А потом они стали говорить шёпотом. Про самые подробные вещи. Даже про погоду. Даже про крошки на

столе. И всё звучало как секретики. Мир стал тише, но ни капельки не хуже. Наоборот, в нём теперь помещалось больше важного: дуновение ветерка, хруст травы под лапками, и было слышно, как спит в углу ночник — белая мраморная сова.

Перед сном Зайка притянул Мишку за лапу и прошептал:

— Ты знаешь, когда ты громкий — тебя, конечно, слышно, но никто не слушает. А когда ты шепчешь — тебя слушают по-настоящему. И запоминают. Всё. Навсегда.

Сказка 7. "КАК ЗАЙКА ПРЯТАЛ ГРУСТЬ"

Зайка улыбался, но внутри у него была осень. Не та, уютная с листопадами и тёплым чаем с пряником, а другая — с серыми лужами, мрачными тучами и тоскливыми шорохами, в которых пряталась грусть. Он не хотел никого огорчать, поэтому аккуратно сложил свою грусть в кармашек — тот самый, с вышитой ромашкой, куда он обычно прятал найденные перышки и смешные камешки. Завернул грусть в мягкую тряпочку в горошек, пахнущую лавандой и чем-то очень старым, как бабушкины письма. А на ночь прятал её под одеялко и делал вид, что всё в порядке. Даже шутил с Мишкой, как обычно.

Но Мишка смотрел внимательно. Он не был дурачком — он был Мишкой. Он заметил, что Зайка улыбался слишком ровно и моргал слишком часто. А потом увидел, как Зайка сидел один у окна, глядя на капли дождя. Страницы книжки в лапках переворачивались, но он ни разу не посмотрел, что там написано и нарисовано, хотя обычно книжки с картинками очень любил.

Мишка тихо подошёл и сел рядом. С собой он притащил свою плюшевую подушечку — ту самую, на которую обычно клал свою лапу для удобства. Он положил её между собой и Зайкой и сказал:

— Ты можешь не прятать грусть. Я посижу с ней рядом. И с тобой.

Зайка растерялся. Ему никто раньше так не говорил. Все обычно советовали: попей чаю, побегай, отвлекись, ну или просто — «не грусти».

А Мишка ничего не советовал. Он просто был рядом. Тихо. Плюшево. Тепло.

Зайка сначала хмыкнул, будто хотел сказать «да всё нормально». А потом вдруг молча подполз ближе и положил голову Мишке на лапу. И тогда грусть перестала прятаться. Она вылезла из кармашка — маленьким серым комочком с мятой мордочкой, похожая на грустного ёжика, — и села на подушку. Немного вздохнула. А потом тоже притихла. Потому что рядом был кто-то, кто её не гнал.

На улице всё ещё моросил дождь — но теперь он словно подыгрывал им своей мягкой, почти плюшевой песенкой.

И тогда осень внутри Зайки стала чуть светлее. Появился крошечный лучик меж туч. Не яркий, но настоящий.

А на следующее утро Зайка проснулся раньше обычного. Грусть всё ещё была с ним, но теперь она не пряталась. Она сидела на краешке подушки, укутанная в тряпочку, и уже не казалась такой грустной.

Может быть, потому что иногда — не нужно ничего чинить.

Нужно просто быть рядом.

Сказка 8. "Как Зайка Мишку рисовал"

В один солнечный день, когда облака лениво катались по небу, как пирожки по тарелке, Зайка вдруг решил нарисовать портрет своего лучшего друга — Мишки.

— Посиди тихо, — сказал он, — я хочу нарисовать тебя, как художники рисуют королей.

— А я буду важным? — приосанился Мишка.

— Очень важным. Прямо король мёда.

— А можно мне тогда корону из одуванчиков?

Зайка кивнул и стал собирать одуванчики. Пока он плёл венок, Мишка терпеливо сидел, сложив лапы на пузике, стараясь не дышать слишком громко. Даже шмель,

севший ему на нос, был принят с королевским достоинством.

Когда корона была готова, Зайка начал рисовать. Он рисовал ушки — одно чуть примятое после сна, другое весело торчало вбок. Потом лапки — мягкие, будто сшитые из плюшевого варенья. А потом — глаза. И тут началось...

— Нет, это не то, — пробормотал Зайка.

Он рисовал взгляд Мишки снова и снова. Глаза выходили то слишком круглыми, то слишком скучными, то слишком весёлыми — но не *теми самыми*. Не глазами, в которых можно утонуть, как в чашке тёплого чая после дождя.

Зайка облизнул карандаш, надул щёки, поругал бумагу. Стёр уже столько, что один глаз стал дыркой.

— У тебя слишком хороший взгляд, Мишка. Он не ложится на бумагу.

Мишка осторожно подошёл и посмотрел на портрет. И правда — вроде бы он, но вроде бы и не он.

— Знаешь что, давай сделаем так, — сказал Зайка и аккуратно подписал под рисунком:

«Тут должен быть самый тёплый взгляд на свете.»

Мишка прочёл, засмеялся, потом вдруг крепко обнял Зайку и сказал:

— Ты всё правильно нарисовал.

И они долго сидели рядом. Рисунок лежал на пеньке, ветер трепал уголок, а солнышко играло бликами на щёчках нарисованного Мишки. Где-то пели птицы, дятел стучал невпопад, а Зайка с Мишкой просто

молчали и чувствовали — каждый по-своему, но одинаково.

Потому что не всё можно нарисовать, но всё можно почувствовать.

Особенно — когда рядом друг.

Сказка 9. "КАК ЗАЙКА ЛЮБОФЬ ВЫРАЩИВАЛ "

Однажды Зайка проснулся очень рано. Солнце ещё только-только выглядывало из-за верхушек деревьев, а он уже копошился в своём огородике. Но сегодня он не сажал морковку.

— Что ты сажаешь? — удивлённо спросил Мишка, зевая и потягиваясь.

— Любофф, — серьёзно ответил Зайка. — Пора уже. Её в последнее время как-то мало стало.

Мишка задумался.

— А разве её можно вырастить?

— Конечно. Всё можно вырастить, если с добром и терпением. Только с Любофью сложнее: у неё семечко невидимое, а растёт она не вверх, а сразу — во все стороны.

Он деловито полил грядку водой из лейки с сердечками, потом сел рядышком и стал что-то тихо напевать.

Там высоко, высоко
Кто-то пролил молоко,
И получилась млечная дорога.
А вдоль по ней, вдоль по ней,
Междужемчужных полей,
Месяц плывет, как белая пирога.

Как хорошо от души,
Спят по ночам малыши,
Весело спят, кто в люльке, кто в коляске.
Пусть им приснится во сне,
Как на Луне, на Луне,
Лунный медвель вслух читает сказки.

А на Луне, на Луне,
На голубом валуне,
Лунные люди смотрят, глаз не сводят,
Как над Луной, над Луной,
Шар голубой, шар земной,
Очень красиво всходит и заходит,

— Это что? — спросил Мишка.

— Это песенка. Любофф надо не только поливать, но и петь ей, гладить, как ушки после сна.

Мишка сел рядом и спросил:

— А какая она, эта Любофф?

Зайка задумался, погладил себе уши и ответил тихонько, почти шёпотом, как будто рассказывал сказку:

— Любофф терпеливая. Даже если кто-то долго сердится или не понимает — она просто ждёт. Она добрая. Ей не жалко ни варенья, ни объятий. Она никогда не ревнует — ей хорошо, когда другим хорошо.

Она не зазнаётся, не ходит важничая, не говорит: «Вот я какая!», а просто тихонько светится.

Она не шумит и не кричит. Она не требует: «Дай мне!» — а спрашивает: «Чем тебе помочь?»

Она никогда не обижается и не держит в себе колючки.

Она не радуется, когда кто-то оступился, — а радуется, когда нашёл верную тропинку.

Она умеет укрыть, как тёплый плед, когда холодно.

Она верит, даже когда все сомневаются.

Она надеется, даже когда кажется, что всё пропало.

Она выдерживает самые сильные дожди и метели.

И главное — она никогда не заканчивается. Вот совсем. Даже если всё вокруг стихнет — Любофф останется. Как звёздочка, которая не потухнет даже в самую тёмную ночь.

Мишка выдохнул:

— Какая же она... как варенье из одуванчиков. Сладкая и солнечная.

Зайка улыбнулся:

— Только её не надо варить. Её надо выращивать. Каждый день. Хоть понемножку.

Мишка сел рядом. Вместе они сидели молча, и вдруг — правда! — из земли потянулся тоненький росточек света.

Он не был похож ни на одну травинку в лесу: мягкий, тёплый и переливающийся, как мёд на солнце.

— Вот она! — прошептал Зайка. — Нежная, тронешь грубо — спрячется.

— А если кто-то её всё время выращивает, а другой — нет? — вдруг спросил Мишка.

— Тогда она начинает скучать. Ей вдвоём веселее. И вообще — чем больше, тем лучше. Любофф не делится — она умножается.

— А можно любить только одного? — задумался Мишка.

— Можно, — сказал Зайка. — Но тогда она будет как одна свечка в темноте. А если ты любишь многих — это уже звёздное небо. Или как воздух. Его ведь не удержишь в лапах, но без него жить нельзя.

— И ветерок ведь не всем одинаково дует, — заметил Мишка. — Где-то сильнее.

— Так и с Любофию. Кого-то ты обнимаешь чаще. С кем-то варенье ешь. Но воздух-то всё равно для всех.

Мишка помолчал, потом сказал:

— А если кто-то в лесу думает, что его не любят?

Зайка задумался, потом кивнул:

— Тогда к нему надо подуть Любофию сильнее. Потому что если где-то не хватает Любофи — она туда сама не доберётся. Её надо отнести. В баночке, в письме, в пирожке, во взгляде. Любофь не бывает лишней. А вот если её мало — то это как дырка в одеяле зимой.

И с этими словами они с Мишкой взяли маленький лейкопластырь, написали на нём: «Для тебя», положили туда кусочек нежности, капельку понимания и побежали в чащу — туда, где жила Сова, которая всегда хмурилась. Потому что Зайка знал: Любофь нужно не только выращивать, но и раздавать.

Она как малина — когда её много, хочется поделиться. А когда её мало — тем более надо делиться, чтоб всем хватило!

Так и жили: Любофф сажали, поливали, пели и делились. И чем больше делились — тем больше росло.

А росточек тот — он до сих пор в лесу светится. Только видно его не глазами. А сердцем.

СКАЗКА 10. "КОГДА ВСЁ ШЛО НЕ ТАК"

С самого утра всё шло не так. Зайка проснулся с ушком, которое почему-то всё время загибалось набок. Подушки спутались, как будто ночью они с кем-то дрались. На кухоньке что-то звякнуло — кружка с морковным чаем обиделась и спрыгнула со стола.

Мишка в это время пытался застегнуть свой жилетик с нарисованными мишками — и вдруг — пуговка оторвалась, убежала в угол и притаилась между половичком и тапочками.

— Ну вот, — вздохнул Мишка, — этот день хочет, чтобы мы не радовались.

Друзья всё-таки решили пойти на прогулку, но любимая тропинка в лесу заросла до неузнаваемости. Малинка вся куда-то пропала, черника спряталась, и даже солнечные зайчики все разбежались.

Грустные Зайка с Мишкой сели под старым деревом. У него была кора в форме милых сердечек, а вокруг мох, мягкий как подушечка.

Зайка посмотрел вниз и поковырял лапкой мох.

Мишка посмотрел вверх и поковырял в носу.

— Что-то этот день какой-то ни такой... как будто без варенья, — сказал он.

— Или без обнимашек, — прошептал Зайка.

Мишка подумал, и как плюшевый философ, выдал:
— Плохой день — это день, которому не хватило обнимашек.

И они обнялись. Не просто так, дежурно — а по-настоящему. Мишка обнял Зайку лапами, а Зайка прижался ухом к его пузику, которое чуть бормотало, как чайник на плите.

И тут случилось чудо:
облака разошлось, как сахарная вата.
птичка чихнула и весело запела.

Тропинка сама прочистилась и снова стала знакомой.

И всё вдруг перестало быть «не так» — потому что они **были вместе**.

А вместе даже день-растяпа становится плюшевым.

С тех пор Зайка с Мишкой решили, что если всё шло не так — значит, пора обнять кого-то мягкого. И тогда день обязательно поймёт, что он любим и сразу исправится.